

Александр Эртель

Последние времена

Александр Эртель
Последние времена

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Последние времена / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«Долго и настоятельно звал меня в гости один приятель мой. Хутор этого приятеля лежал вдалеке от железной дороги и вообще изображал собою самую вопиющую глушь, которая только возможна в Воронежской губернии. И это долго смущало меня. Я не мог вообразить себя без писем и газет, получаемых еженедельно, и, наконец, пятидесятиверстная дорога от ближайшей станции сама по себе была убийственна. Но пришел май, подошли некоторые обстоятельства угнетающего свойства, и непроходимая глушь стала манить меня к себе. Я написал приятелю послание, в котором просил выслать за мной лошадей, и, спустя неделю, тронулся в путь...»

Александр Иванович Эртель

Последние времена

Долго и настоятельно звал меня в гости один приятель мой. Хутор этого приятеля лежал вдалеке от железной дороги и вообще изображал собою самую вопиющую глушь, которая только возможна в Воронежской губернии. И это долго смущало меня. Я не мог вообразить себя без писем и газет, получаемых еженедельно, и, наконец, пятидесятиверстная дорога от ближайшей станции сама по себе была убийственна. Но пришел май, подошли некоторые обстоятельства угнетающего свойства, и непроходимая глушь стала манить меня к себе. Я написал приятелю послание, в котором просил выслать за мной лошадей, и, спустя неделю, тронулся в путь.

Станция, на которой приходилось слезать мне, стояла в лесу. Она уже давала предвкушение той тишины и того невозмутимого покоя, которые ожидали меня на захолустном хуторе моего приятеля: село от нее было не ближе доброго десятка верст. Все это я знал и потому, подъезжая к станции, даже ощутил некоторое замирание сердечное; я думал: прислали ли за мной лошадей?

Продребезжал колокольчик; вылезли вялые пассажиры и с скучающим видом обозрели окрестность; громко и отчетливо обругал машинист смазчика... Затем раздался еще звонок; пассажиры скрылись в вагоны; пронзительно прохрипел свисток кондуктора, и поезд загремел, медлительно скрываясь в лесу и вызывая в чаще задумчивых сосен протяжный отзвук... Я остался один на длинной платформе, опаленной солнцем. Сторож смотрел на меня с недоумением. Крошечный начальник станции обвел мою унылую фигуру уничтожающим взглядом и величественно удалился. Пространство возле станции было пусто.

– Не было лошадей с Ерзаева хутора? – смиренно спросил я сторожа.

– Это с какого Ерзаева – за гаями?

– За гаями.

– Нет, не было. Вот с Лутовинова было, и от Халютиной барыни были лошади, а чтоб от Ерзаева – нет, не было.

– Да ведь я письмо писал...

Я вошел в контору и спросил: «Давно ли Ерзаеву письмо отослано?» Господин с неизбежным цветным околышем на фуражке стоял около окна и давил мух. Мой вопрос застал его на самом интересном месте: крупная муха неосмотрительно попала под его палец и отчаянно жужжала и билась там, звеня по стеклу.

– Вам чего? – важно промолвил он, едва поворачивая голову.

Я повторил вопрос.

– Какому такому Ерзаеву?

– Александру Федорычу.

Он промолчал.

Я подошел к столу и сел. Господин искоса посмотрел на меня и разжал палец. Муха радостно расправила крылья.

– Мы не обязаны сберегать письма, – строго сказал он, – у нас есть свои занятия.

Я ничего не ответил. Это, должно быть, умиротворило его.

– А ежели мы соблюдаем, так единственно в свободное от занятий время, – добавил он, смягчая голос, и, подошед к шкафу, спросил: – Вам – Ерзаеву?

– Ему.

Он порылся несколько и подал мне собственное мое письмо.

– Разве не было оказии? – спросил я.

– Всего не упомнишь.

– Но если была оказия, вы должны были отослать! – воскликнул я.

Господин изобразил на лице своем крайнее изумление и обвел меня юмористическим взглядом. Затем решительно двинул стулом, надменно выпятил грудь и, развернув громадную книгу, испещренную цифрами, яростно закрипел в ней пером. Оставалось уходить.

– Но почему же вы не послали, когда была оказия? – повторил я в досаде.

На этот раз он не обратил на меня внимания. Когда же я уходил из конторы, суровый его голос с достоинством произнес:

– Мы не обязаны, ежели у нас занятия... И мы не почтальоны.

Я вышел на платформу. Сторож подметал пыль. Солнце пекло. Тишина стояла мертвая. Вокруг сторожа юрко суетился человек в монашеском одеянии. Увидя меня, сторож приостановил свою работу и сказал с радостью:

– А ведь с Ерзаева-то были!

– Когда?

– Позавчера. Я и забыл!.. Должно, насчет почты были: малый спросил почту и уехал.

Я только руками развел.

– А лошадок у вас не добудешь здесь?

– Лошадок? Эка чего захотел! – И сторож снисходительно усмехнулся. – У нас ближе Лазовки не токмо лошадки – кобеля не добудешь.

– В Лазовке очень возможно достать лошадок, – вмешался монашек. Говорил он часто и дробно. Я посмотрел на него. Ряска на нем местами блестела, как атлас, и на локтях была порвана. Кожаный пояс стягивал стан. За пазухой что-то торчало. Из-под засаленной скуфейки благообразно вылезали длинные волосы, смазанные маслом. Реденькая бородка окаймляла одутловатое лицо с бойкими, плутоватыми глазками. Движения были порывисты и беспокойны. Под моим взглядом он было смиренно опустил взоры, но тотчас же снова вскинул их на меня и сладостно улыбнулся.

– Очень даже возможно добыть лошадок, – повторил он.

– Да ведь это далеко.

– Верст десять, – сказал сторож.

– А мы вот как сделаем, – заторопился монашек, – Мы как выйдем и сейчас же, со божией помощью, на пчельник...

– Какой пчельник?

– Это точно, пчельник здесь есть – монастырский, – промолвил сторож.

– Монастырский пчельник, – повторил монах. – Мы как в него, с божией помощью, выйдем, и прямо в Лазовку службу нарядим. А вы уж, ваше степенство, приношение нам за это... – И, отвесив мне низкий поклон, он спешно и невнятно забормотал: – Во славу божию... на спасение души... труждаемся и воздыхаем: монастырь убогий, скудный...

– Вот, вот, – подтвердил сторож, покровительственным жестом указывая на монаха, – вот отец Юс и проводит вас. Он вас проводит до пчельника, а вы ему снисхождение сделайте. Отчего не сделать снисхождения!

– А до пчельника далеко?

– Верст...

Но монашек перебил сторожа.

– Версты две, ваше степенство, – быстро сказал он, – никак не более, как две версты.

Сторож только носом покрутил и как-то неловко моргнул одним глазом.

Я согласился. Отец Юс схватил мой саквояжик и проворно двинулся к вокзалу.

– Отец Юс! – остановил его сторож и, подозвав, пошептал ему что-то. Отец Юс в свою очередь отозвался страстным и убедительным шептанием... Но сторож не унялся и даже повысил голос. – Мастера вы здесь облапошивать! сказал он. Тогда отец Юс с неудовольствием сжал губы и обратился ко мне:

– Ступайте, ступайте, ваше степенство, я догоню.

Я вошел в вокзал. Там было душно и пахло свежей краской. Через несколько минут вбежал мой проводник в сопровождении сторожа. Последний меланхолически улыбался и утирал рукавом губы. «Он вас проводит!» – сказал он мне, снова покровительственно указывая на отца Юса. А пазуха отца Юса была в некотором беспорядке, и лицо изъясляло недовольство. Мы пошли.

– Прощай, отец Юс, спасибо! – произнес сторож.

– Ладно, – ответствовал Юс и сухо поджал губы. Выходя из вокзала, я увидел огромное окно конторы, а за окном важный лик господина, по милости которого совершалось теперь мое пешее хождение. Под его жирным пальцем снова билась и беспомощно трепетала бедная муха, а он, сосредоточенно оттопырив губы, осторожно давил ее и внимательно следил, как ее тонкие ножки бестолково скользили по стеклу.

Станция стояла на песчаной поляне, скучно желтевшей на солнце. Вокруг поляны со всех сторон толпился лес. Там высились мрачные сосны, здесь стройные березы белелись веселою дружиной... По преимуществу же преобладал дуб, и густой орешник превозмогал всюду.

Мы достигли просеки и пошли лесом. Но не прошло и четверти часа, как лес этот миновался и по обеим сторонам дороги потянулся мелкий кустарник, среди которого, там и сям, высились одинокие дубы. Тени не было и помину. А между тем был час пополудни и жара стояла несносная. Неподвижный воздух напоен был зноем. Небо висело над нами ясное и горячее. Идти было ужасно трудно: глубокий песок однообразно шуршал под нашими ногами и безжалостно палил подошвы. В лесу стояла тишина. Птицы как будто попрятались... Листья утратили свою свежесть и недвижимо висели, поблекшие и пыльные.

У отца Юса и походка оказалась подобна речи: частая и дробная. Он долго шел молча и, беспрестанно поправляя пазуху, казалось негодовал. Я тоже молчал и посматривал вдаль, куда бесконечной чередой убегала тяжкая дорога.

– Эка жара-то! – вырвалось, наконец, у меня.

Отец Юс встрепенулся. Он пристально посмотрел на небо и сделал вид, как будто оно неожиданно распростерлось над нами такое знойное и яркое; затем поглядел на свои ноги, обутые в толстые башмаки, и, наконец, с осторожностью произнес:

– Благодать господня... – но, заметив, вероятно, что в этих словах мало утешительного, добавил: – Вот, с божиею помощью, Кривой Обход придет: большой липняк!.. Дровеса в обхват и усладительные ароматы.

– А далеко ли?

– Версты через две достигнем, ежели господь милосердый...

– Как через две! Да пчельник-то когда же?

Отец Юс смутился.

– Спаси господи и помилуй! – воскликнул он. – Значит обмолвился я вашему степенству: пчельник за Обходом... – И, не дожидаясь моих возражений, затянул грустным тенором: «Очи мои излийте воду, яко удалился от меня утешаяй мя, возвращаяй душу мою: погибоша сынове мои, яко возможе враг...»

Я же был печален. И отец Юс заметил это. Прекратив свой горестный кант, он вздохнул и произнес:

– Благо есть мужу, как ежели возьмет ярем в юности своей.

Я промолчал.

– Блажен убо стократ муж тот, потому прямо надо сказать: начало греха гордыня и держай ю изрыгнет скверну...

– Это вы насчет чего? – спросил я.

– А насчет того, ваше степенство, грехи повсеместно!.. – доложил Юс и, несколько мгновений подождав ответа, продолжал: – Повсеместный грех и прямо вроде как последние времена...

Я снова промолчал, но отец Юс, после краткой паузы, решительно приступил к разговору.

– Я, примерно, из мещан происхожу, – сказал он и, помедлив немного, добавил: – из торгующих. Сеяли мы бакчу, табаком торговали, шкурки скупали... Про город Усмани слышали? Ну вот, мы из Усмани. Там по большей части такой народ – шибайный... Ну, и все мы, с божьей помощью, кормились. И по суете своей грешили... Грешили, ваше степенство! – Отец Юс меланхолично улыбнулся. – По домашности по своей наслаждались всякими напитками... Бабы в роскоши, примерно: карнолины, сетки... Вот он как, дух тьмы-то!.. Спаси и помилуй... – И, после некоторого молчания, продолжал: Но только возлюбил я пустыню с юности моей. Ежели, теперь, братья по селам поедут и заведут всякий торг, я об одном потрафляю: уйти мне на бакчу и там жить. И живу, бывало, не то что как, а целое лето. Ох, и времена же были радостные! – Отец Юс покачал головой и весь расплылся в тихом удовольствии. – Какие времена! – повторил он сладостным шепотом. – Въявь господь милосердый посылал свою милость. Бывало, сымешь у мужиков пустынь какую-нибудь, выгон ли там или степь, и прямо вырубаешь для меры шест. А в шесте четыре аршина... И ты даже очень удобно выдаешь этот самый шест за сажень. И сколь много даровой земли этим шестом получишь, даже удивительно... А мужикам это не во вред, потому у них много. Или придет теперь полка: девки полют, а расчета им нет... Тогда только производим расчет, как поспеет дыня. Дыней и производим... Огурец собирать – огурцом производим расчет. И так всякие работы. Или меды ломали. Прямо везешь с собою водку, и прямо пьют и не ведают, что творят... А тут уж не зеваешь, и ежели не возьмешь вдвое или втрое, то без всякого стеснения назовешься зевакой. Да одно ли это, мало что дельвали... У баб, опять же, коноплю собиравали или же кожи и всякую рухлядь по деревням... Боже ты мой, какая простота и какой барыш!

И он впал в задумчивость, во время которой лицо его сделалось тусклым и печальным.

– Зачем же вы ушли в монахи? – спросил я.

– Возлюбил еси... – начал было он, но сердито крякнул и произнес: Последние времена!.. – а затем, с какой-то горячей поспешностью и с каким-то шипением в голосе, стал выбрасывать следующие слова: – Девки по два двугривенных!.. Выгона все пораспахали!.. Мужичишки измошенничались, обнищали!.. Бывало, кожу-то за рубль, а ноне четыре отдашь, а за нее и в городе больше четырех не дадут... А медоломное дело? Водку-то он пожрет, за товар же всячески норовит настоящую цену ободрать и пустить тебя по миру... Морозы пошли – бакчу хоть не сади!.. Везде купец пошел, капитал! Ты с умом, а он – с рублем... И прямо от тебя мужик бежит, как от чумы, и бежит к купцу... А мещанин – все равно что жулик... Банки эти теперь – домишки позаложены, бабы в шильонах, жрать нечего... Тьфу!.. – И отец Юс умолк в негодовании.

Долго мы шли, не прерывая молчания. Солнце палило нестерпимо. Яркая желтизна дороги ослепляла глаза...

Вдруг отец Юс встрепенулся и промолвил:

– Вот, теперь взять, сторож этот, Пахом. Пахом-то он Пахом, а уж человека такого погибельного, по прежним временам, с огнем не сыскать!

– Чем же он погибельный? – спросил я.

– Пахом-то?.. – в некотором даже удивлении отозвался Юс и, помолчав немного, с горячностью выпалил: – Пес он, вот он кто... Он не токмо в сторожа его ежели, он в антихристы не годится... Он тетку поленом избил... Он, ежели с ним по-простоте, с костями слопают, вот он какой человек! – И Юс с негодованием отплюнулся, но спустя немного, вздохнул и сказал:

Спаси господи и помилуй!.. – И мы снова в молчании продолжали путь наш. Меня одолевала скука.

А отец Юс не скучал. Он часто стал отставать от меня и, отставая, пригибался к земле и хватался за грудь, как бы от боли. Сначала это приводило меня в недоумение и даже беспокоило. Но после каждой такой остановки лик отца Юса просветлялся и глаза выражали плутоватую радость; вместе с этим его скуфейка сдвигалась на затылок, движения становились развязнее... Наконец внезапный звон стеклянной посуды объяснил мне все, и я уже нимало не удивился, когда горлышко полуштофа предательски выглянуло из плохо прикрытой пазухи моего спутника.

А когда липовый лес раскинул над нами густые свои ветви и влажная тень прикоснулась к нашим пылающим лицам и обмахнула их как бы крыльями, отец Юс и совсем пустился в откровенность. Он торжественно вынул полуштоф и предложил мне выпить. Я отказался. Тогда он заподозрил меня в деликатности. Он убедительно болтал остатками водки и говорил:

– Ваше степенство! Будьте настолько благосклонны!.. Как мы есть из мещан и чувствуем благородного человека... Вы что – вы думаете, маловато? Э, ежели теперь Пахомка меня избил – шкалика два он вытрескал, пес, непременно вытрескал... Так мы, с божьей помощью... – Тут он с лукавством улыбнулся и, отвернув полы ряски, вытащил из кармана штанов другой, совершенно еще непочатый, полуштоф. – Отец Юс понимает свое дело! – сказал он и снова спрятал посудину.

А пчельника все не было. Правда, идти теперь было прохладно, но какая-то непонятная истома и в прохладе этой томительно стесняла грудь. Дятел задумчиво гремел по деревьям... Несколько раз в вышине разносился резкий голос синицы. Где-то иволга протянула грустную свою песню... И вдруг лес переполнился каким-то смутным шепотом. В лицо пахнул ветер. Листья затрепетали... Я взглянул на небо: тучи, синие и мрачные, толпились над нами. Солнце еще не угасло: оно по-прежнему пронизывало лесную чащу мягкими зеленоватыми полосами и круглыми пятнами играло на узорчатых листьях папоротника, но лучи его уже не жгли, а только сверкали ослепительным блеском... А спустя немного тучи бросили тени, и лес переполнился таинственным сумраком. И снова стала тишина. Листья поникли в каком-то бессилии. Папоротник распростирал свои лапы в недвижимой дремоте... Только синица резко тревожила тишину и в каком-то беспокойном задоре мелькала над деревьями. Было душно.

А мой спутник окончательно развеселился. Неукоснительно dokonчив полуштоф, он совершенно утратил всякое смирение и если походил на кого, то уж никак не на инока. Благочестивые словеса свои он забросил. Скуфейку молодецки заломил за бекрень...

– Ваше степенство! – кричал он. – Ежели мы теперь в иноческом житье находимся, мы прямо понимаем это как поупущение... Там сборка, там скородьба, работники... Вот-те и осталось шиш с маслом!.. А тут шильоны... Нет, брат... – и вдруг, переменяя тему: – Но только у нас есть благочестивые иноки!.. Есть у нас теперь отец Панкрат: ты приди к нему и пощупай. Прямо как пощупал – цепь! А в цепи два пуда... Ей-богу!.. С походом два пуда будет... Сам вешал... И прямо вроде ремня она на нем... Тяжеленная цепь!.. А мы что? Мы – грешные, слабые... Мы не токмо что, а прямо надо говорить – подлецы... – Отец Юс сокрушенно смахнул грязным рукавом грязные слезы и, легонько вздохнув, произнес вполголоса: – Эх, жизнь, жизнь...

Вдруг лес как бы встрепенулся и закачал вершинами. Тревожный гул прошел по деревьям... Я невольно остановился: сердце сжалось и как будто перестало биться... А тучи нависли низко и внушительно. Казалось, кто-то смотрел сквозь них на землю и его пристальный взгляд переполнен был мрачным гневом. Лес хмурился. Внизу еще стояла тишина, и папоротник по-прежнему еще не шевелился, но зато тьма у подножия деревьев сгущалась все более и более, и невольная робость одолевала человека при взгляде на чащу. Вершины же равномерно склонялись, переплетаясь ветвями, и производили шум, подобный шуму взволнован-

ного моря. И когда я смотрел на них, с вышины веяло на меня суровостью и грозой, и как-то невольно хотелось прикинуть к земле и просить у ней тихой и ласковой заступы.

Под обаянием непогоды примолк было и отец Юс. Впрочем, ненадолго.

– Эх, жизнь! – повторил он пренебрежительно и громко и затем неожиданно предложил: – А хотите, я вам песенку спою? – и, не дожидаясь ответа, затянул своим дребезжащим тенорком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.